

DOMINVS FRANCISCVS PETRARCHA

Поэтические страницы

Е.Н. Черноземова

Парадоксы любви: поэтические открытия Франческо Петрарки

От Франциска Петрарки потомству привет!
Петрарка. Письмо к потомкам

Даты жизни великого итальянского поэта, родоначальника гуманистической культуры Возрождения (1304 — 1374), говорят о том, что минуло 700 лет со дня его появления на свет и 630 лет со времени его ухода из жизни. Имя Франческо Петрарки между тем продолжает жить и связывается прежде всего с образом человека, долго и безнадежно влюбленного в добродетельную и прекрасную Лауру, которую он воспел в своих стихотворных строках. Могут ли сегодня быть интересными любовные стихи 700-летней давности? Придуманные — нет, а прожитые... Может быть, и они безнадежно устарели?

Изменилось время, изменился человек, стиль жизни, строй чувств. И все же поэтические открытия Петрарки, сформулированные им парадоксы любви звучат удивительно современно, хотя по-прежнему редко остаются прочитанными и востребованными. И вовсе не оттого, что современный человек ушел далеко вперед в познании движений своей души, а оттого, что «В безумной жажде радостей и нег / Распутством не гнушаясь безобразным»¹, проскочил по поверхности, не заметив глубин поэтических открытий, подводящих к существу величайших таинств, одной из которых всегда была и остается Любовь. Напомним высказывание старца Зосимы из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского о природе любви, сочувственно цитируемое о. Павлом Флоренским в магистерской диссертации доцента Московской духовной академии, защищенной им в 1914 году: «В том и великое, что тут тайна, — что мимо идущий лик земной и вечная истина соприкоснулись тут вместе»².

Современник Чехова, переводчик Петрарки на русский язык М. Гершензон утверждал, что Петрарка не может быть интересен современному человеку ни латинскими трактатами, ни перепиской с правителями, ни даже своими поэтическими творениями, а если чем и может заинтересовать, так именно строем своей личности: «...Мы с удивлением видим, что в этом лице есть черты поразительного сходства с нами, так что почти не верится, что он отделен от нас таким огромным промежутком времени; и тогда живым смыслом наполняются для нас его писания»³.

Вчитавшись в строки, оставленные Петраркой, мы легко найдем переключки и развитие заданных им направлений поэтической мысли в трудах современных поэтов и философов. Глубина Петрарки не всем и не всегда позволяет увидеть таящиеся в его произведениях смыслы. Всматриваясь в себя,

поэт и мыслитель пытался доискаться до сути того, что собою являет писательство, ответить на вопрос, для чего человек работает со словом. Нужно ли оно, если не видеть в нем способа, пути, ведущего к самосовершенствованию, если при этом не быть искренним с собой, не желать замечать своих недостатков: «...спрашиваю тебя, что может быть ребячливее или даже безумнее, как в полной беспечности обо всем другом и в совершенной косности тратить время на изучение слов и, никогда не видя подслеповатыми глазами собственной мерзости, так усладиться своей речью, подобно иным певчим птишкам, которые, говорят, до того упиваются сладостью собственного пенья, что умирают от этого?»⁴

Именно он, мастер владения словом и поэтическими формами, дойдя до вершинных граней мастерства, сумел ощутить пределы возможностей и признаться в том, что слово не дано человеку во всей полноте, что человеку открыто для называния чрезвычайно мало, что чувствует и знает он *несказанно* больше: «...не раз случалось с тобою, что ты оказывался бессильным изобразить словами те из вещей обычных и повседневных, которые казались тебе недостойными твоего красноречия. А сколь многое в природе

Лаура. Неизвестный художник

не может быть названо за отсутствием собственного имени? Сколь много сверх того вещей, которые хотя и имеют каждая свое особенное название, но выразить их ценность словами — это чувствуется раньше всякого опыта — красноречие смертных бессильно? Сколько раз я слышал твои жалобы, сколько раз видел тебя безмолвным и негодующим потому, что и язык и перо оказывались неспособными вполне выразить то, что для мыслящего ума было совершенно ясно и легко понятно? Итак, чего же стоит красноречие, раз оно так скудно и хрупко, раз оно и всего не объемлет, и объятых не в силах охватить целиком? <...> Подумай, кроме того, как мало ты можешь в этом деле полагаться на свои силы, раз ты знаешь, что вся страна, которой ты лишь ничтожная часть, скудна речью»⁵, — ве-

¹ Байрон Дж. Г. Паломничество Чайльд Гарольда. Песнь I / Пер. В. Левика / Байрон Дж. Г. Избранное. М., 1997. С. 131.

² Цит по: Флоренский П. Столп и утверждение Истины (1914). Раздел «Свет Истины». М., 2002. С. 92.

³ Гершензон М. Франческо Петрарка (1304—1374) / Данте. Петрарка. Микеланджело. Поэты эпохи Возрождения. М., 2003. С. 150.

⁴ Петрарка Ф. Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру / Петрарка Ф. Стихи. Сонеты. Размышления. М., 1987. С. 304.

⁵ Там же. С. 305.

дет Петрарка диалог с собой, вкладывая вопросы в уста Блаженного Августина.

Эти откровения семисотлетней давности удивительным образом перекликаются с рассуждениями историка литературы и философа языка XX века: «...слова не желают и не могут поступать в полное наше распоряжение... Бывает такая духовная сфера, которая хранит сама себя, которая умеет хранить себя от человека, которая в отличие от овеществленных знаний, книг, всяких прочих культурных достояний не дается до конца в руки человеку <...> и эта сфера есть слово. На него мы и можем возлагать всю свою надежду, при этом крепко задумываясь над тем, откуда же берется в слове эта непреступность, это его самовольное самостояние. Сберегая свою духовность, мы можем с надеждой воззреть на Слово, являющее нам пример крепости.

Именно ключевым словам культуры принадлежит, прежде всего, такая способность сохранять себя в непреступности и непритронутости»⁶.

Одним из ключевых слов культуры, вобравшим в себя этический смысл существования мира, стало слово *Любовь*. Что бы человек с ним ни делал, каким бы содержанием ни наполнял и в какие бы словосочетания с малопримлемыми парами ни ставил, оно продолжает сиять своей первозданной красотой и звать к себе сердца. Более того, слово вообще и ключевое в особенности обладает способностью выявлять сущность человека, к нему прикоснувшегося, сохраняя свое самостояние и непреступность. Будто бы именно по этому поводу или, во всяком случае, по весьма близкому тот же философ языка пишет: «Будь все иначе, человек, вне всякого сомнения, поступил бы со словом точно так же, как поступает он со зданиями, картинами и книгами, вообще со всяким достоянием, которое оказывается в его руках, в его распоряжении, — он растрепал, исковеркал, испоганил бы слово, подверг его всем мыслимым и немислимым унижениям, уничтожил бы все, что бы только захотел. Он именно это, впрочем, и про-

изводит со словом — однако, лишь по мере своих возможностей, лишь по мере того, насколько он допущен к слову и в слово»⁷.

Чем отзывается сущность Петрарки при соприкосновении со словом *Любовь*? Что при этом открывает в себе поэт, какие способы находит для выражения сделанных открытий?

Всмотревшись в себя и эпоху, Петрарка вырабатывает и утверждает новое, в сравнении с устоявшимся средневековым, понимание человеческого Достоинства. Если раньше доблестным и достойным считался человек, происходивший из знатного, древнего и богатого рода, умевший поставить свою родовитость и богатство на службу сюзерену, то теперь, утверждает Петрарка, все зависит от личных качеств самого человека. И не большая ли честь, вопрошает он, стать зачинателем знатного рода, чем его продолжателем?

Именно со временами Петрарки и его деятельностью поэта и мыслителя сопрягают поэтическое открытие личности, изменение отношения к миру, Человеку и творчеству, к Любви, Смерти. Наступающая эпоха Возрождения, открывающая новое время, тем и отличалась от эпохи средних веков, что человек стал восприниматься не только как функция — доблестный воин, защитник, корми-

Франческо Петрарка

лец, милостивый монарх, духовный наставник, — но как единственная и неповторимая индивидуальность. Изменилось отношение к его уходу, к смерти. Теперь оплакивали не просто утрату заступника или хранителя очага, но неповторимость черт и качеств. Петрарка запечатлевает, как на смену эпическому чувству принадлежности к роду приходит осознание Человеком своей неповторимости и самоценности. Человек учится любить себя и ценить столь же неповторимого другого, который уйдет безвозвратно, и *такой* уже никогда не встретится. Функционально человек заменим — лично нет. Такое изменение в строе чувств приводит к актуализации лирических жанров, разрабатывающих и воплощающих новые чувства — от открытости и гордости собой, собственным

⁶ Михайлов А. В. Литература и философия языка / Логос: Философско-литературный журнал. № 8, 1997. С. 62—63.

⁷ Там же.

Петрарка выступает перед дожами Венеции. Средневековая гравюра

своеобразием, успехами, до тоски при осознании невозможности быть понятым кем-либо до конца в силу своей единственности и уникальности.

Петрарка остается интересным именно потому, что правдиво реагирует и воспроизводит отклики своей души на происходящие изменения в отношении к миру и человеку. В старых застывших отношениях «придворный — сюзерен» он мог лукавить, играть, порой вызывая неодобрение современников, но его поэтические произведения, направленные на исследование движений души, вызываемых глубочайшей влюбленностью, исповедальны.

Исповедальная искренность становится одним из условий движения и развития философской мысли. Она всегда сопряжена с внутренней смелостью, отвагой честно сказать не как ждут, а как чувствуешь. Такая смелость относится к числу одной из христианских добродетелей. О ней двумя веками позже будет размышлять Эразм в «Оружии христианского воина». А пока Петрарка держит за образец Блаженного Августина, честно обнажившего противоречия, с которыми сталкивался человек, вступая в лоно христианства. Августин в «Исповеди» откровенно говорил, что хотел бы избавиться от плотского греха, но не готов к этому, ведь он так сладок. Обнаруженная проблема, конфликт обра-

чивается постановкой вопроса, и с этого момента начинается поиск ее решения. Проблема, обозначенная Августином, послужила развитию многовекового спора христиан и неоплатоников о природе любви. Уметь не подменять любовь к Творцу любовью к творению призывали христиане. Уметь видеть Творца в его творении стремились неоплатоники. Честное высказывание привело к тому, что были пересмотрены средневековые позиции в отношении к земной любви. Казавшаяся греховной и запретной в средние века человеческая, плотская любовь стала узаконенной и оправданной в новое время. Философы Возрождения доказали, что прекрасное человеческое тело по определению не может быть греховным, ведь красота — атрибут Бога. Через красоту Бог привлекает к себе человека. Поцелуй и соитие — это соприкосновение с Божественным, потому-то и уходит земля у влюбленных из-под ног, потому-то и кружится голова. Но в человеческой любви всегда есть, помимо плотского и земного, возвышенное и Божественное, иначе взлет и одухотворенность окажутся невозможными. Более подробную аргументацию апологии земного чувства можно найти в трактатах философов эпохи Возрождения.

Величие поэта определяется способностью высказать, запечатлеть возникновение новых чувств.

Влюбленный Петрарка исследует живущее в нем чувство и учится с ним жить. Он вскрывает новые проблемы и парадоксы любви.

Парадокс первый: *неповторимый — значит непонятый и одинокий.*

Исповедальность тона Петрарки сказывается в том, с какой прямоотой и откровенностью он старается дойти до сути причин смятенности духа. Именно ее от имени Августина он определяет словом *aegritudo*, а лежащую в ее основе гнетущую печаль называет *acidia* (лат.). Неодолимая тоска, как ни странно, рождается из открытия уникальности и единственности каждого человека. Если ты неповторим, то никто никогда не сможет тебя понять до конца. И планида твоя — так и жить никем и никогда не понятым, одиноким в своих радостях и горестях.

Парадокс второй: *любовь — добровольное мучение.*

Петрарка вынашивает в душе мучительное томление, добровольное мучение — такое определенное даст он живущему в нем томительно-му чувству, отказаться от которого не представляется никакой возможности. Отказ от него равносителен потере смысла жизни. Моля об избавлении от страданий, он вопрошает себя о том, что ему мешает собраться с волей и положить всему конец сейчас же. И, заглянув в себя, со всей откровенностью заявляет, что не хочет такого избавления. «Я мук своих хочу...» — восклицает он в СХХХIV сонете «Книги песен» («Канцоньере»)⁸. Он лелеет страсть, сам, по своей воле обрекая себя на страдания, которые парадоксальным образом ведут его к спасению:

*На что ропщу, коль сам вступил в сей
круг?
Коль им пленен, напрасны стоны. То же,
Что в жизни смерть, — любовь. На боль
похоже
Блаженство. «Страсть», «страданье» —
тот же звук⁹.*

Он неустанно говорит о жаре любви, о пламени, горении, которое вроде бы разжи-

гает с помощью собственных же слов, но обнаруживает, что скоро оно оказывается неуправляемым, неукротимым. Наступает момент, когда сам влюбленный подпадает под власть им же самим сотворенного. Так случается и со Словом, которое зажигает сердца:

*Так я пылаю снова,
И в беспощадном этом всеожженье
От моего же собственного слова,
Как лед, растаять плоть моя готова¹⁰.*

Парадокс третий: *близость в отдалении.*

Наблюдая за своими реакциями на близость возлюбленной, Петрарка отметит отдаленность, которую чувствует, находясь рядом с ней. Далее он заметит, что в удалении обретает возможность наслаждаться общением с возлюбленной, более полно и глубоко предаваться мечтам. Наблюдая со скалы за едва проступающим в синей дымке городом, поэт осознает, что те, кто сейчас находится ря-

Сандро Боттичелли. Св. Августин. 1480

⁸ Петрарка. Канцоньере. СХХХIV (Пер. Вяч. Иванова) / Петрарка. Канцоньере. Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру. Книга писем о делах повседневных. Старческие письма. М., 1996. С. 130. Далее Петрарка цитируется по этому изданию.

⁹ Петрарка. Канцоньере. СХХХII. С. 129. Пер. Вяч. Иванова.

¹⁰ Петрарка. Канцоньере. LXXIII. С. 85. Пер. В. Микушевича.

дом с его любимой, на самом деле слишком далеки от нее. Он же, находясь в отдалении, чрезвычайно к ней близок:

*И все ж, пока влюбленно,
Забыв себя, во власти первых дум,
Душа дивится призрачным отрадам, —
Любовь я вижу рядом!¹¹...*

Парадокс четвертый: *смерть при жизни, или Новая жизнь¹².*

Полностью, безраздельно отдаваясь чувству любви, влюбленный оказывается будто бы потерянным для обыденной повседневной жизни. Он ищет уединения, стремясь как можно чаще и дольше пребывать наедине со своими мечтами о возлюбленной, будто бы творя при этом иную действительность. Но, творя свой собственный никому не доступный мир, он создает тем самым новую жизнь, которая ничуть не менее реальна, чем очевидная повседневность. В ней бушуют страсти, живут чувства, возникают и рушатся чаяния и надежды, принося с собой вполне осязаемые радости и страдания. Для того, чтобы ничто не нарушило этот тщательно сберегаемый и выстраиваемый мир, влюбленный так часто и стремится к уединению, ища встречи лишь с объектом своей любви, который единственно вхож в создаваемый мир, являясь полноправным участником происходящих в нем событий. Предмет любви может вполне реально участвовать в строительстве такого мира, внося в него изменения бессловесными взорами. Встретившиеся взгляды рождают одно из самых сильных ощущений:

*Восторг неописуем,
Услады сердца невообразимы,
От взоров нежных меркнет все мирское,
И с ними несравнимы
Все радости, которых мы взыскуем!¹³*

Не правда ли, о таком невидимом мире, способном хранить себя и не впускать чужих, мы только что читали? Вспомним: «Бывает такая духовная сфера, которая хранит сама себя <...> Откуда же берется <...> эта неприступность, это <...> самовольное самостояние, которое умеет хранить себя от человека?..» Но ведь современный лингвист имел в виду отношение к Слову, и абсолютно то же

можно сказать об отношении к Любви. Остается лишь вывести систему уравнений, выстроенную на вечно живой триаде: Бог есть Слово. Бог есть Любовь. Здесь возникает опасность очень легкого передергивания, ведь если вывести равенство «Любовь есть Слово», того и гляди услышишь: «Вот вы и проговорились. Это лишь слово, и больше ничего». Останется лишь добавить: «Пустое слово». Но если мы согласились с тем, что в отношении к Слову человек проявляет свою сущность, то такое передергивание станет чрезвычайно показательным. Любовь может быть пустым словом только для тех, как свидетельствует другой наш современник, «кто не видит в слове / Бога и суть вещей, / <...> утонувших в злобе / и тщательности речей»¹⁴.

Влюбленный Петрарка начинает новый отсчет жизни с момента зарождения в его сердце чувства любви. Он пытается передатировать день рождения своей души, ведя отсчет времени от момента встречи с Любовью. Именно о самом миге зарождения чувства рассказывает один из самых известных его сонетов:

*Благословен день, месяц, лето, час
И миг, когда мой взор те очи встретил!
Благословен тот край, и дол тот светел,
Где пленником я стал прекрасных глаз!¹⁵*

Парадокс пятый: *спасенье — гибель?*

Петрарка настаивает на том, что, даже зная о всех своих недостатках и несовершенстве своей способности любить, человек не вправе (или не в состоянии) судить о том, что ему такая любовь дает как человеку. Может быть, научиться любить и быть самоотверженным, ясно видя и сознавая свое несовершенство и недостижимость избранницы, — самая большая ценность, которую обретает человек. В контексте цикла такое прочтение подтверждается многими сонетами. Таким образом, страдать от любви — и значит менять что-то в себе, может быть, и не всегда осознавая, что именно меняется. Если отдавшийся чувству человек не все контролирует рассудком и не все осознает, рождается мысль о том, что он подчинен власти иного, высшего порядка. Вот что говорит об этом поэт:

*Призвал ли я иль принял поневоле
Чужую власть?.. Блуждает разум мой.
Я — утлый челн в стихийном произволе!¹⁶*

¹¹ Петрарка. Канцоньере. СХХІХ. С. 126. Пер. А. Эфроса.

¹² «Новая жизнь» — название книги Данте, в которой он рассказал историю любви к Беатриче.

¹³ Петрарка. Канцоньере. LXXIII. С. 86. Пер. В. Микушевича.

¹⁴ Дольский А. От Храма ведет аллея... / Дольский А. Четыре ангела. Харьков, 1991. С. 294.

¹⁵ Петрарка. Канцоньере. LXXIII. С. 73. Пер. Вяч. Иванова.

¹⁶ Петрарка. Канцоньере. LXXIII. С. 129. Пер. Вяч. Иванова.

Коронация Петрарки лавровым венком на Капитолийском холме в Риме. Средневековая гравюра

Высшие силы подчиняют себе человека через красоту. Она может быть явлена как красота женская. Обрести ее помимо воли высших сил невозможно. Тяга к женской красоте осознается поэтом как ступень в познании сущности Бога:

*...Как жить достойно, как любить Творца, —
Не подражая ей, нельзя представить¹⁷.*

Парадокс шестой: бессмертие Любви и сближение после утраты.

Когда любимая становится бесплотной, близости с ней можно больше не опасаться. В сближении больше не будет ничего грозящего непристойностью, унижением высокого чувства. Уход любимой — еще один рубеж в развитии чувства, грани которого кажутся нестерпимо болезненными, непереносимыми. Но и этот этап становится точкой отсчета нового хода времени.

Достойно жить с сознанием ухода любимой под силу сильному, великому духу. Смерть подчас парадоксально возвышает поэта. Вот как об этом пишет В. Гюго:

«Для героя, для солдата, для человека действия и материального мира все кончается под шестью футами земли; для человека идеи все с этого начинается.

Смерть — это сила.

Для тех, у кого нет иной деятельности, кроме деятельности духа, могила — преодоление препятствия. Быть мертвым — значит быть всемогущим.

Человек-воин внушает страх, пока он живет <...> но появляется камень в печени или язва в желудке, — шесть футов земли, и все кончено. Сияние меркнет. <...> Но если вдруг какой-нибудь прохожий, несущий в себе идеал, если бедный бродяга вроде Гомера уронит во тьму свое слово, а затем умрет, слово это загорается во тьме и превращается в звезду. <...>

...Мнимые величины, которые принимались за реальные, эти властители, эти короли исчезают; остается только то, что должно остаться; человеческий дух — с одной стороны, божественные души — с другой; истинные произведения и истинные творцы, общение людей, создающее прекрасное, жажда мысли — мука и счастье человека, жизнь низшего порядка, стремящаяся к высшей жизни. Возникают реальные вопросы, необходимо совершенствование ума, которое должно осуществиться посредством ума. На помощь зовут поэтов, пророков, людей вдохновенных, мыслителей. Начинают понимать, что философия — это пища, а поэзия — насущная потребность. Нужен

¹⁷ Петрарка. Канцоньере. LXXIII. С. 195. Пер. Е. Солоновича.

иной хлеб, кроме хлеба насущного. Если вы откажетесь от поэтов, то откажетесь от цивилизации. <...>

Мы их не видим, но тем сильнее ощущаем их присутствие. Хотя они и умерли, эти существа живут.<...>

Над чем они трудятся? Над нашим духом. Они творят цивилизацию»¹⁸.

В продолжение размышлений о том, что же такое дух, приведем суждение философа языка XX века Клинтона Гарднера — автора книги «Между Востоком и Западом», который видит духовное начало в Слове, а высшее проявление духовности, в слове поэтическом: «...то, что в христианском богословии именуется Святым Духом, Третьим Лицом нераздельной Троицы — Лицом, которое и нераздельно с самим Богом, и неслиянно с Ним, — это нечто обыкновенное, повседневное и повсеместное: голос Бога в каждом из нас. Это — дух в нас, который в принципе ничем не отличается от самого прозаического слова, произносимого нами всерьез и от всего сердца. То, что религии называют “духом” (а всем религиям известно это понятие), есть просто высшая форма речи, присущая человечеству в целом и каждому человеку в отдельности — мужчине или женщине»¹⁹. Отметим, что носителя слова, а значит, и духовного начала К. Гарднер видит в каждом человеке, подчеркивая общечеловеческое единство поиска духовности, совершенствования и совершенства. Может быть, в этой причастности к Слову, взыскующему правды, и заключается современность текстов Петрарки, их непреходящее значение для душ и сердец, как и любой высокой поэзии.

Парадокс седьмой: *нелюбимый любим.*

Невзаимной любви не бывает — весьма странное высказывание, но по существу своему абсолютно верное. Чего хочет от влюбленного любимая? Неужели она так жестокосердна, и он столь ошибается в оценке ее сердечности и великодушия? Чего хочет от влюбленного Создатель, кото-

Дом Петрарки. Ареццо, Италия

рый привлекает его к себе через любовь? Авторы итальянских трактатов о любви отвечают на эти вопросы следующим образом. Бог действительно привлекает к себе человека красотой и любовью, но человек может ошибиться в выборе предмета любви. Если при этом он упорствует, стоит на своем, то такое неразумное поведение грозит ему слезами и мучениями. Историю именно такой любви воссоздаст в своем цикле сонетов тремя веками позже Петрарки Шекспир, признавшись в финале, что ошибся в выборе любимой и после многих мучений, сопряженных с разочарованиями, обидами, прощениями, вынужден начать все сначала. Но Петрарка пишет о другом. Он настаивает на том, что сердце его не обманывает. Мучения, подобные его мучениям, будут длиться веками. И пять столетий спустя, рассуждая о том, чего добивается от человека Дух и Разум Вселенной, когда посылает ему многочисленные испытания, английский романтик Уильям Вордсворт скажет: слезы, бессонные ночи, тоска, переживания — все это будет длиться до тех пор, пока Человек не станет

¹⁸ Гюго В. Вильям Шекспир / Пер. А. Тетеревниковой / Гюго В. Собр. соч. В 14 т. Т. 6. М., 2002. С. 566—568.

¹⁹ Гарднер К. Речь и дух / Гарднер К. Между Востоком и Западом: Возрождение даров русской души / Пер. с англ. А. Кавтаскина; Под ред. В. Малявина, Л. Махлина. 2 изд. М., 1993. С. 64—65.

Интерьер дома Петрарки

достойным самого себя, то есть замысла, относительно него существующего. Все невзгоды на его пути — лишь средства, с помощью которых «мастерская по производству человеческих душ» (workmanship) воздействует на различные свойства, приводя их в гармонию, заставляя действовать в согласии и соподчинении. Вордсворт утверждает, что работать Вселенная станет только с тем существом, которое сочтет достойным. Тогда она его отыщет и найдет к нему пути, начиная работу с нежных и ласковых прикосновений. Если же человек не сумеет услышать и прочитать такие знаки, то средства воздействия станут более ощутимыми²⁰. Такое размышление и поэтическое открытие вполне соотносимо с утверждением: кого Бог больше любит, того больше и испытывает. Таким образом Творец, воплощенный в творении, воздействует на душу человека, ведя его только Ему, Творцу, ведомым путем, удерживая от страстно желаемого и открывая новые рубежи и возможности. (Отме-

тим, что имя таким образом рассуждающего поэта — Wordsworth — может быть переведено как «стоящие слова», или «цена слов», или «владеющий словами».)

В конце жизни Петрарка в исповедальной книге «Моя тайна» возвратится к переосмыслению того, что пережил в жизни, и в воображаемом диалоге с Блаженным Августином от его лица безжалостно изречет в ответ на признание в том, что поэт рос и учился жить через опыт чистой и страстной любви: «Без нее ты прошел бы еще дальше». Страсть к земному существу заслонила собой любовь к Творцу и помешала поэту стать тем, кем он мог бы стать²¹. Петрарка будет яростно опровергать такое утверждение, он станет просить Августина не мучить его пустыми вопросами и проиграет спор только оттого, что начнет его с утверждения собственных несчастий и несправедливости судьбы в отношении себя. Невозможно быть несчастным, когда ты любим Богом.

²⁰ Wordsworth W. The Prelude, or Growth of a Poet's Mind / Wordsworth W. The Works. Wordsworth Edition Ltd, Cumberland House, Great Britane, 1994. P. 637, 638 (*Вордсворт В. Прелюд, или Взрачивание души Поэта*).

²¹ *Петрарка. Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру* / Пер. с лат. М. Гершензона. С. 354—355.

Франческо Петрарка. Из «Книги песен»

LXI

Благословен день, месяц, лето, час
И миг, когда мой взор те очи встретил!
Благословен тот край, и дол тот светел,
Где пленником я стал прекрасных глаз!

Благословенна боль, что в первый раз
Я ощутил, когда и не заметил,
Как глубоко пронзен стрелой, что метил
Мне в сердце бог, тайком разящий нас!

Благословенны жалобы и стоны,
Какими оглашал я сон дубрав,
Будя созвучья именем Мадонны!

Благословенны вы, что столько слав
Стяжали ей, певучие канцоны, —
Дум золотых о ней, единой, сплав!¹

LXXXV

Всегда любил, теперь люблю душою
И с каждым днем готов сильнее любить
То место, где мне сладко слезы лить,
Когда любовь томит меня тоскою.

И час люблю, когда могу забыть
Весь мир с его ничтожной суетою;
Но больше — ту, что блещет красотой,
И рядом с ней я жажду лучше быть.

Но кто бы ждал, что нежными врагами
Окружено все сердце, как друзьями,
Каких сейчас к груди бы я прижал?

Я побежден, Любовь, твоею силой!
И, если б я не знал надежды милой, —
Где жить хочу, там мертвым бы упал!²

¹Пер. Вяч. Иванова.

²Пер. Ю. Верховского.

ХСIII

*Н*е раз Любовь твердила мне: «Пиши!
Пиши, что видел, вязью золотою:
Как слуг своих я мечу бледнотою,
Как в жизнь и в смерть ввергаю их в тиши;

Была пора и для твоей души,
Когда ты знал, что тщетен спор со мною:
Не ты ль искал спастись иной тропюю, —
Но я проворней, как ты ни спеши!

И если взор, откуда лик мой глянул
Тебе в глаза, чтоб гордость сокрушить,
Какой была твоя душа одета,

Вернет мне лук, чтоб снова враг отпрянул, —
В нем хватит силы взгляд твой увлажнить:
Слеза — мой хлеб, и ты ведь знаешь это!»³

ХСVII

О милая свобода, лишь со дня,
Как ты погибла, понял я, какую
Была прекрасной жизнь, пока стрелою
Неисцелимо не был ранен я!

Уж глаз моих от сладкого огня
Не в силах ум спасти своей уздою;
Их не отвлечь всей прелестью земною, —
Так зол недуг, что охватил меня!

Я ныне внемлю лишь тому, кто муки
Мои поймет, кто именем ее
Наполнит высь, где эхо сладко вторит;

К другой мечте Любовь меня не шпорит,
Другого нет пути стопам, — и руки
Другой не шлют творение свое⁴.

³Пер. А. Эфроса.

⁴Пер. Е. Солоновича.

CLXXXVI

Когда б Вергилий и Гомер видали
Благое солнце, льющее мне свет, —
Каким восторгом был бы гимн согрет,
Где гений свой они в одно смешали!

Тогда б Эней задумался в печали,
Ахилл, Улисс, и прочих славных цвет,
И тот, кем Рим жил пятьдесят шесть лет
И тот, чью кровь пролить Эгисту дали.

С древнейшим цветом чести и побед
Наследственно похож своей судьбою
Новейший цвет красы и дел благих:

Тот в грубых песнях Эннием воспет,
А этот — мной: да внемлет с доброю
Моим стихам и не отвергнет их!⁵

CCLXI

Той, что мечтает восхищать сердца
И жаждет мудростью себя прославить
И мягкостью, хочу в пример поставить
Любовь мою — нет лучше образца.

Как жить достойно, как любить Творца, —
Не подражая ей, нельзя представить,
Нельзя себя на правый путь наставить,
Нельзя его держаться до конца.

Возможно говор перенять, звучащий
Столь нежно, и молчанье, и движенья,
Имея идеал перед собой.

И только красоте ее слепящей
Не научиться, ибо от рожденья
Она дана иль не дана судьбой⁶.

⁵Пер. А. Эфроса.

⁶Пер. Е. Солоновича.

CCLXII

— **Ж**изнь — это счастье, а утратить честь —
Мне кажется, не столь большое горе.
— Нет! Если честь несвойственна синьоре,
То в ней ничто нельзя за благо счесть.

Она мертва — пусть даже пламя есть
В ее измученном и скорбном взоре.
Дорога жизни в тягостном позоре
Страшней, чем смерть и чем любая месть.

Лукрецию бы я не осуждала,
Когда б она без помощи кинжала
В великой скорби казнь свою нашла. —

Подобных философий очень много,
Все низменны, и лишь одна дорога
Уводит нас от горечи и зла⁷.

CCCLXII

Брылами дум так часто уношусь
Я в небеса, что кажется мне, словно
И я из тех, кто там хранит любовно
Сокровище, бежав земных обуз.

И в сладостнейшем трепете я бьюсь,
А та, пред кем чело мое бескровно,
Мне молвит: «Друг, лобзаю безгреховно
Тебя, что сверг былых пристрастий груз!»

И к Господу меня ведет. И очень
Смиренно я молю предвечный свет
Приять меня к себе под горний полог.

А он в ответ: «Твой жребий здесь упрочен,
Но должно выждать двадцать — тридцать лет,
И хоть грустишь ты, этот срок недолог!»⁸

⁷Пер. Е. Витковского.

⁸Пер. А. Эфроса.

CCCLXVI

В солнце одетая, звездно-венчанная,
Солнцем Превышним любимая Дева!
Свет его вечный в себе ты сокрыла.
Немощным звукам земного напева
Как вознестись к тебе, Богом желанная!
Дай же, молю, мне небесные крыла,
Ты, что вовеки свой слух не закрыла
Верного сердца мольбам,
Но, милосердная к тайным скорбям,
С помощью тайной всегда нисходила.
Жизни темница томит меня тесная,
Дай же прибежище сердцу больному,
Праху земному,
Царица небесная!

В девах премудрых ты ярко светящая!
Чистым елеем огонь твой нетленный
Вечно горит и не знает затмения.
Ты всем гонимым покров неизменный,
В смертном боренье ты знамя спасения!
Щит всех скорбящих ты, всескорбящая!
Страсти безумной злое горение
Да утолится тобою!
С неизреченной тоскою

Видела ты неземные мучения.
Ими спасенный, зачем я страдаю?
Мною владеет враг побежденный!
Мыслью смущенной
К тебе прибегаю.

Всенепорочная, Дева пречистая,
Слова предвечного мать и создание!
Слава земной и небесной природы!
Сын твой и вышнего Бога сияние, —

О, бесконечности око лучистое!
В веки последние, в тяжкие годы
Пристань спасенья, начало свободы
Нам чрез тебя даровал.

Он одну между всеми избрал,
Он в тебе возлюбил и грядущие роды.
О, открой милосердия двери,
Всеблагодатная, к жизни нетленной
Душе смиренной
В любви и вере.

О всевятая, благословенная,
Лестница чудная, к небу ведущая!
С неба ко мне преклони свои очи!
Воду живую, в вечность текущую,
Ты нам дала, голубица смиренная,
Ты солнце правды во мрак нашей ночи
Вновь возвела, мать, невеста и дочь,
Дева всеславная,
Миродержавная
И таинница Божьих советов!
Проведи ты меня сквозь земные туманы
В горние страны,
В отчизну светов!

Дева единая меж земнородными,
Небо пленила ты чистой красою.
В цепи златой ты звено неразрывное,
Зла не касаяся волей святою,
Думами ясными, Богу угодными,
Храмом живым его стала ты, дивная!
Скорбь моя тяжкая, скорбь непрерывная
Светлою радостью вся расцветает,
Если молитва твоя низведет

В сердца пустыню небес изобилие.
В духе смиренном склонив колена,
У всепобедной прошу защиты.
Цепь разорви ты
Земного плена.

Светлая Дева, вовек неизменная,
В плаванье бурном звезда путеводная,
Кормчий надежный в годину ненастную!
Знаешь ты скалы и камни подводные,
Видишь блужданья мои безысходные.
Долго боролась душа, удрученная
Долей враждебной, волею страстной;
Сердце измучено битвой напрасной.
Немощь мою ты от вражьего плена избавь,
Челн погибающий в пристань направь!
Он уж, разбитый, не спорит с грозой ужасной.
Усмири же ты темное, бурное море,
Злобу и горе
Кротостью ясной!

Лилия чистая среди наших терний,
В мрачной пучине жемчужина ясная,
В пламени злом купина не горящая,
В общем потоке ладья безопасная,
Облако светлое, мглою вечерней
Божьим избранникам ярко блестящее,
Радуга, небо с землею мирящая,
Божьих заветов ковчег неизменный,
Манна небесной фиал драгоценный,
Высь неприступная, Бога носящая!
Дольный наш мир осени лучезарным покровом,
Свыше ты осененная,
Вся озаренная
Светом и словом!⁹

⁹Пер. В. Соловьева.

FRANCESCO PETRARCA